

IN MEMORIAM

В. К. ЧУМАЧЕНКО

В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

5 декабря 2016 г. нас постигла горькая утрата. Из жизни ушел Виктор Кириллович Чумаченко, кандидат филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры Кубани, Адыгеи и Украины.

В. К. Чумаченко – известный ученый и публицист, специалист в области филологии и истории региональной культуры, автор научных работ по проблемам истории кубанской словесности и современного литературного процесса.

В. К. Чумаченко окончил филологический факультет Кубанского государственного университета и аспирантуру Литературного института имени М. Горького, 1988 г. в Институте мировой литературы РАН защитил кандидатскую диссертацию.

С 1992 г. ученый работал в Краснодарском государственном институте культуры – возглавлял кафедру литературы, информационно-библиотечный факультет, научно-исследовательский центр. С 2014 г. В. К. Чумаченко работал в Южном филиале Института Наследия занимая должности старшего научного сотрудника отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры.

В. К. Чумаченко обладал уникальным опытом редакционно-издательской деятельности: возглавлял коллективы редакций научных журналов «Кубань. Проблемы культуры и информатизации» (1996–2002) и «Культурная жизнь Юга России» (2002–2013), был одним из основателей электронного научного журнала «Наследие веков», входил в состав редакционных коллегий журнала «Родная Кубань», серийных научных изданий «Кубанский сборник», «Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность», «Кубань — Украина: проблемы историко-культурного взаимодействия», был научным консультантом «Энциклопедии современной Украины».

В. К. Чумаченко организованы многочисленные научные конференции, посвященные изучению истории культуры Кубани: «Кубанские историко-литературные чтения», «Кухаренковские чтения», возвращены к жизни забытые имена кубанских писателей и поэтов, подготовлен к публикации уникальный архив Ф. А. Щербины.

Этот номер журнала «Наследие веков» стал последним, в работе над которым принимал участие Виктор Кириллович. Редакция решила завершить его не обычным некрологом, но своеобразной страницей памяти, контуры которой возникают из калейдоскопа эмоциональных откликов друзей и коллег В. К. Чумаченко, записанных практически в режиме прямой речи. Так превращающийся «в память текст» позволит читателям увидеть некоторые удивительные черты сложной и многогранной натуры, которой был Виктор Кириллович...

Аркадий Иосифович СЛУЦКИЙ

*кандидат педагогических наук, ассоциированный научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева*

«Виктор Кириллович Чумаченко, которого я знаю давно...»

Мы были знакомы непросто долго – почти сорок лет... Понятное дело, в отдельные времена знакомство ограничивалось случайными встречами, но бывали периоды, когда сотрудничали плотно и общались едва ли не каждый день. Познакомились (если я не ошибаюсь) в обществе книголюбов на Красноармейской (куда и он, и я заглядывали регулярно), пересекались в Краевом научно-методическом центре культуры, когда он там работал заведующим редакционно-издательским отделом, потом были многие годы совместного преподавания в стенах КГИК (КГУКИ). Но едва ли это о чем-нибудь говорит. За эти годы было столько разных обстоятельств, коллизий, разговоров, дружеских чаепитий, что вот так сразу вспомнить и рассказать о них просто невозможно...

Так произошло, что в 2014 г. я оказался очень далеко от Краснодара. Виктор Кириллович оставался одним из очень немногих (едва ли не единственным человеком), с которым мы сохранили постоянную эпистолярную связь. Мы продолжали не только общаться, мы продолжали сотрудничать. Его письма, записки (иногда длинные, иногда очень короткие) приходили еженедельно, бывало, что по несколько раз в день. Я регулярно обращался с просьбами, просил присылать копии необходимых мне краснодарских материалов. Отвечая на мои вопросы, он всегда был на редкость пунктуален и щедр на информацию.

Работал он постоянно. Круг его научных интересов всегда оставался широк. Последние десятилетия в своей работе он уделял сравнительно много внимания собиранию рукописей (оригинальных и копийных), публикации текстов местных литераторов и историков, занятиям библиографией. Речь идет не только о подготовке многотомных воспоминаний Федора Андреевича Щербины (знаковых для кубанской истории). Виктор Кириллович так же регулярно публиковал тексты забытых деятелей кубанской культуры, не позволял нам забывать их имена, как бы возвращая истории человеческое лицо.

Научное сотрудничество началось где-то самом в начале 90-х гг. Тогда у меня с ним возник общий интерес к деятельности и творчеству одного из первых черноморских литераторов Якова Герасимовича Кухаренко. Для краснодарского издательства я перевел этнографические очерки Кухаренко «Пластуны» и «Овцы и чабаны в Черномории» с украинского на русский язык. Целесообразность перевода вызвала вопросы и споры. Но перевел. Опубликовал. Впоследствии Виктор Кириллович в своих изданиях много раз перепечатывал эти переводы, включал их в свои антологии. Последний раз в 2014 г. Тогда же он – в начале девяностых – пригласил меня к участию в нескольких организованных им конференциях. С тех пор всегда, проводя какие-нибудь исторические (литературные) мероприятия, всегда звал меня участвовать. В Кухаренковских ли чтениях, в Кубанских ли литературно-исторических чтениях? Если он редактировал или состоял в

редколлегии какого-нибудь журнала, то торопил с публикациями. Причем, важно заметить, звал не с готовыми материалами, а обязательно что-либо заказывал новое, заставлял работать, просил сделать новые переводы.

Сотрудничали много в самых разных формах. Вместе написали и опубликовали несколько статей. Впрочем, общая, сидя за одним столом никогда не работали. Подробно обсуждали, потом он уходил работать над своей частью статьи самостоятельно, я – над своей. В последние годы – обсуждали в письмах. Реже обменивались комплиментами, чаще упреками. Некоторые статьи писались легко, другие – тяжело и медленно. Что-то так и осталось незавершенным. Тяжело и долго складывалась статья о первом краснодарском (екатеринодарском) украинском книжном магазине, основанная на переписке Ю. Тищенко с М. Грушевского для Вестника Донецкого отделения НТШ. Опубликовали¹ ее совсем недавно в 2017 г.

Если я не ошибаюсь, где-то в 1996 г. Виктор Кириллович Чумаченко попросил перевести (для журнала, в котором он работал) несколько стихотворений Богдана Бойчука. Я соглашался с оговорками. Я не профессиональный переводчик и поэтому переводил только те тексты, которые мне близки, а поэта Богдана Бойчука я тогда не знал. Кроме того, признаюсь, не очень разделял поэтические привязанности Виктора Кирилловича, и опасался, что предложенные им к переводу тексты будут мне, мягко говоря, чужды. Он принес мне два сборника поэта. Киевское отдельное издание стихотворений «Третя осінь» и антологию украинской модернистской поэзии в диаспоре «Поэза традиції». Тексты мне понравились, я их долго читал и перечитывал, постепенно начал «втягиваться» в перевод, он меня увлек и поэтически, и эмоционально. Эта работа занимала меня в течение нескольких лет. Виктор Кириллович опубликовал переводы в своем журнале, потом мне удалось издать переводы отдельной книжечкой, долгие годы переписываться и однажды пообщаться в Киеве с Богданом Бойчуком. Впоследствии Виктор Кириллович постоянно меня провоцировал на переводы Н. Воронного, В. Мовы, привлекал к редактированию П. Кирий, но это все как-то обходилось без серьезных последствий. А вот украинских поэтов из американской диаспоры с легкой руки Виктора Кирилловича я продолжал переводить – Богдана Рубчака, Марию Голод, Марию Ревакович, Лидию Паллий. Эти переводы были радостным событием моей жизни, и подарил мне это событие Виктор Кириллович...

В конце 2016 г. разговор о поэзии в его письмах зазвучал вновь. В далекие времена, поступая в аспирантуру Литературного института, Виктор Кириллович выступал как поэт. Потом долгие годы тема собственной поэзии вслух не звучала (во всяком случае в нашем общении), поэтических публикаций не было. А уже в 2017 г. он с радостью прислал мне в Атланту сканы своих поэтических публикаций в «Родной Кубани» и «Литературной России», а в письмах заговорил о желании издать сборник своих стихов.

В последние пару лет мы мечтали сделать с ним биобиблиографические указатели Кирилла Васильевича Россинского и Ивана Диомидовича Попко. Указателей, к сожалению, так и не подготовили. Наши взгляды на их структуру зачастую не совпадали. Я бы обязательно обратил внимание на то, что у Виктора Кирилловича в его личном архиве накопилось огромное количество рабочих библиографических материалов (не знаю картотек или электронных списков: Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, Л. М. Мельникова, П. П. Короленко и т. д.), которые по моему глубокому убеждению Кубани следует сохранить и

¹ Слущкий А. И., Чумаченко В. К., Грушевский Д. В. О книжном магазине «Літературно-наукового вістника» в Екатеринодаре: эпистолярные уточнения // Донецкий вісник наукового товариства ім. Шевченка. Донецьк, 2017. С. 56–80. (Прим. ред.).

по возможности опубликовать. Много осталось архивных материалов. Вообще тема его взаимоотношений с архивами, его библиофильские разыскания требуют отдельных исследований и публикаций. Я убежден (надеюсь), что еще появится не одна статья, посвященная Виктору Кирилловичу, его научным трудам.

Впрочем, его эпистолярные просьбы (вопросы) не ограничивались только собственными интересами. Он регулярно хлопотал о своих друзьях и корреспондентах. Помогающий всем, он настаивал, чтобы я уточнял, выписывал справки от кого-нибудь из своих знакомых библиографов в Ростове и Ставрополе с информацией, которая интересовала его эпистолярных визави (о поэтессе Аде Чумаченко, о писателе Павле Горгулове (Поле Бреде), о северокавказском краеведе В. Н. Котовиче, о краснодарских и майкопских изданиях Олексы (Алексея) Кирия и так далее). Он был удивительно открыт для всякого сотрудничества.

И вдруг молчание. Я даже не сразу ощутил его фатальность. О преждевременном уходе Виктора (разве бывает уход не «преждевременным»?) мне сообщили сразу, спустя пару часов после того, как город облетела эта печальная весть, но только через несколько дней я понял, что это молчание навсегда. Помимо своей воли я продолжал ожидать писем от него. Память услужливо (и на первый взгляд совершенно бессистемно, собственно, как всякая ассоциативная память) продолжала все время напоминать о каких-нибудь наших совместных обстоятельствах и начинаниях, которые мы с Виктором Кирилловичем затевали. По утрам, выкуривая на балконе первую сигарету, я ловил себя на том, что продолжал вести с ним разговор, отвечал на его письма. В моей жизни образовалась какая-то пустота. появились неожиданные разрывы, лакуны, зоны молчания. Остались только папки электронных писем.

Однажды Ирина Ивановна Горлова (тогда ректор Краснодарского государственного университета культуры и искусств) потребовала, чтобы я в течении трех месяцев защитил диссертацию. Наши кабинетники (Виктора Кирилловича и мой) располагались рядом. Я зашел к нему, рассказал о требовании и он, не раздумывая, предложил мне свое руководство. Потом в предисловии к публикациям каких-то моих стихотворений несколько иронично и очень добро рассказал об обстоятельствах этого руководства. Сотрудничество продолжалось. Мне регулярно приходилось оппонировать и консультировать его аспирантов, соискателей, дипломников. Когда в 2014 г. в Краснодаре в «Кубанской библиотеке» должна была публиковаться большая подборка моих стихотворений (я уже был в Атланте), Виктор Кириллович не только охотно сам предложил написать небольшую вступительную заметку, но и взял на себя (вместе с Юрием Сергеевичем Гречко) все хлопоты по редакторской и корректорской подготовке. Несколько раз жена (моя) уезжала к детям, я оставался дома сам, и Виктор Кириллович тот час брал меня под свою опеку. Как только начинался обеденный перерыв, он появлялся в кабинетике и требовал, чтобы я с ним шел в столовую. Сдобу он любил.

Иногда (особенно поздней слякотной осенью, в сумерки, когда Виктор шел тяжелой медленной походкой из университета короткой дорогой домой, где его ожидала капризная и любимая кошка) он мне представлялся человеком одиноким, но только до того момента, когда ему в руки попадала какая-нибудь рукопись или книжный раритет. В этот момент тот час забывались все жалобы на здоровье, возраст, исчезал ворчливый тон, ирония оказывалась не нужна, начиналась жизнь, начиналась история. Был щедр. Спокойно одалживал все, кроме... Разве что кроме книг и всяких архивных находок.

Как только кто-нибудь из знакомых ехал в командировку, Виктор Кириллович тот час торопился нагрузить поручениями: уточнить библиографическое описание, сделать

выписки из архивного дела, отксерокопировать документ... В какое-то время я регулярно бывал в Киеве и, естественно, целыми днями просиживал в институте рукописей Национальной библиотеки Украины, все больше в фондах журналов «Основа» и «Киевская старина». Тут же нашлось поручение: срочно сделать фотокопию (тогда еще не сканировали) рукописи очерка Я. Г. Кухаренка «Вороной конь». Какие-то подарки вез в Воронеж и из Воронежа... Собираясь в Прагу, естественно, получил задание от Виктора Кирилловича, на копирование различных документов в Славянской библиотеке. Тут повезло больше: ксерокопии – ксерокопиями, но возникла фантастическая возможность привезти «живые» книги – пражские издания Кухаренко и Ф.А. Щербины, том «Ста русских литераторов» с гравюрами Т. Г. Шевченко... Как он радовался? Никакие слова не опишут... Я тоже радовался, что на стеллажах его библиотеки появлялись подаренные мной книги. Выставка в Литературном музее Кубани к 60-летию Виктора Кирилловича называлась «С книгой по жизни». Совсем недавно в Facebook'е он вывесил страничку (полочку) «своих раритетов», в которой рассказывал о своих любимых книгах.

– Я не был библиофилом, коллекционером, – вспоминал он однажды, – для этого я слишком беден. Но вот в Ахметовке (станция, в которой Виктор родился) была лучшая библиотека среди окрестных станиц. Дореволюционный благоустроенный дом какого-то богатея. Потом в нем сделали библиотеку. И благодаря тому, что там работал старый интеллигент, библиотечарь – Павел Сергеевич Ушанев – там практически сохранились собрания сочинений всех русских классиков, было много ценных изданий, русская дореволюционная периодика, периодика 20-х – 30-х гг. уже XX в. Была еще подсобка, где стояли книги, которые не позволяли выставлять в открытый доступ. В подсобку доступ был мне открыт, поскольку именно в помещении подсобки Павел Сергеевич пытался создать кружок переплетного дела. И я сроднился с книгами...

В последние годы он любил вспоминать. Чаепития, как правило, сопровождались рассказами о знакомых, друзьях, о событиях из биографии, книжных находках. Тому подтверждение его недавние публикации в Facebook'е. Он умел дружить и дорожил дружбой. Недавно написал и опубликовал в журнале «Спадщина» трогательные страницы о несвоевременно (опять «несвоевременно») ушедшем своем близком знакомом, прекрасном украинском ученом Викторе Ивановиче Дудко. И название придумал то какое теплое – «Путешествие в Страну Герани...»

В нахлынувших воспоминаниях не бывает сюжета, они кажутся мозаичными и случайными, но сегодня я вдруг для себя понял, сформулировал, что знакомство и дружба с Виктором Кирилловичем во многом определили обстоятельства и моей жизни – характер и круг научных привязанностей, благодаря ему (с его подачи, по его настоянию) я написал и опубликовал, наверно, десятка два статей и рецензий, устойчивым и многолетним стал мой интерес к украинской проблематике в истории кубанской культуры и книжного дела, в течение нескольких лет я запоем переводил украинских поэтов. Это и есть наша жизнь... Уходят близкие люди – ее становится меньше. В другой момент, я может быть об этом и не задумался.

Я не умею придумывать названий к своим текстам. Когда-то давно (уже больше десяти лет тому) в юбилей Виктора Кирилловича я написал небольшое эссе, а названия придумать не смог. Показал ему, он предложил «Виктор Кириллович Чумаченко, которого я знаю давно...». Пусть и сегодня остается это название. Я не хочу менять глагольных времен... Светлая ему Память и долгая жизнь его трудам...

Зухра Ахметовна КУЧУКОВА

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы Кабардино-Балкарского
государственного университета*

Если бы я сейчас взялась писать собственную автобиографию, то хроника моей жизни от декабря 1984 г. до декабря 2017 г. бы густо «инкрустирована» именем Виктора Чумаченко. Судя по моим дневниковым записям, это день в день (!) ровно тридцать три года счастья дружить, общаться с одним из интереснейших людей нашего времени.

Как познакомились? В начале декабря 1984 г. после окончания английского отделения Кабардино-балкарского государственного университета я поступала в аспирантуру Литинститута имени Горького. Меня поселили в общежитскую комнату с абитуриенткой из Латвии, которая уже второй год подряд пыталась свое счастье. Вечер. Волнуемся – на следующий день у нас вступительный экзамен по литературе. Вдруг к нам постучался молодой человек с транзистором и парой книг в руках. Это был аспирант 2 курса Виктор Чумаченко, он хотел помочь моей соседке, с которой они были знакомы еще с прошлого года. Молодые люди сели за кухонный столик, пили кофе с рижским бальзамом, беседовали.

Я же скромно сидела в дальнем углу за письменным столом, листала свои записи, и при этом ела пластинки из свежей моркови, смазанные сливочным маслом. Естественно, меня очень смешила консультативная методика Виктора, который иронично повторял: «Эва, материал Ты все равно знаешь плохо, поэтому на экзамене жми на свой прибалтийский акцент! Твое спасение – Твой акцент!» Позже, когда мы с Витей уже подружились, он, в свойственном ему мефистофелевском духе, признавался: «Зухра, я Тебя зауважал в тот момент, когда увидел, что Ты ешь морковку со сливочным маслом. Подумал: «Надо же только вчера с гор спустилась, а знает, что бета-каротин усваивается в комплексе с растительными или животными жирами».

В лице Виктора Чумаченко я обрела старшего брата. Его знала и обожала вся моя семья, особенно мама. Будучи коренным кубанцем, «южным россиянином», Витя абсолютно гармонично, в идеальной пропорции, сочетал в себе европейскую культуру и нормативы кавказского этикета. К этому, конечно, надо добавить его индивидуальные качества – лоск, шик, шарм, юмор (всегда с перчинкой), беззлобные подтрунивания, которые собеседника обычно держали в тонусе, требуя хотя бы приблизительного ответного остроумия. Он никогда не был банален. Мы его называли «Большой советской энциклопедией», затем уже «Википедией», поскольку Чумаченко знал все – от античной культуры до мелочей в современной моде. Я всегда щедро пользовалась его бесценными, глубоко аргументированными советами – будь то формулировка темы кандидатской, докторской, проведение конференции, разрешение каких-то психологических проблем, даже выбор спутника жизни (!), воспитание детей и др. Сидя в своей краснодарской квартире, он общался со всем ученым миром. Когда я написала свою монографию, озвучивая предел своих несбыточных фантазий, сказала: «Эх, Витя, как бы я хотела, чтобы Георгий Гачев прочитал мою книгу!» И чудо свершилось благодаря Чумаченко: на второй день я с замиранием сердца уже говорила по телефону с Георгием Дмитриевичем.

Книги – особый разговор. Лучшую часть нашей домашней библиотеки составляют экземпляры, подаренные Виктором в эпоху тотального дефицита книг. Нередки были случаи «магического реализма» – в один момент я забредила «Лекциями В. Набокова по зарубежной литературе». Буквально через пару дней Чумаченко через первого повернувшегося «курьера» передал мне из Краснодара в Нальчик книгу моей мечты. На все мои вопросы, откуда узнал, он отшучивался, типа, ну, я же экстрасенс. Особо следует сказать о его монографии «Русская поэзия второй половины XX столетия» (Краснодар, 2005), которая является настоящим «мастер-классом» научно-исследовательской работы. Она очень востребована среди студентов и аспирантов нашего университета. Все знали, что Чумаченко – великолепный текстолог, литературовед, культуролог: рукопись, которой коснулась его рука, превращалась в маленький шедевр, где «комар носа не подточит». В этом убеждается каждый, кто берет в руки экземпляры основанного им журнала «Культурная жизнь Юга России», который сыграл громадную роль в развитии научного кавказоведения, консолидации ученых региона. Говорят, дружба народов состоит из дружбы людей и об этноколлективах, городах мы судим по отдельным его представителям. Благодаря Виктору Чумаченко, Краснодар и кубанские казаки у моих коллег и у меня ассоциируются с высокой культурой, врожденной интеллигентностью, душевной щедростью, тонким чувством юмора.

Есть горское присловье: «Уходит из жизни кузнец – железо останется, уйдет из жизни ученый – книги останутся!» Покидая эту землю, Виктор Кириллович Чумаченко оставил нам в наследство одну большую, цельную, удивительную книгу о любви к Родине, к истории, к людям.

Дорогой Виктор, прими венок доброй, светлой, благодарственной памяти от гуманитариев поликультурной, многоязычной Кабардино-Балкарии!

Елена Юрьевна ТРЕТЬЯКОВА

*доктор филологических наук, профессор,
независимый исследователь*

За два-три дня до ухода Виктора Кирилловича мы разговаривали по телефону о текущих делах. Беседа шла неспешно, обо всем понемногу, как бы затем чтобы сверить компас плавания по волнам жизни. Теперь он там, откуда не звонят, и в остром сожалении об утрате то и дело возвращаешься к одной мысли: с кем теперь поговоришь именно так, как с ним?..

Вопреки внешней бессемейности, Виктор Чумаченко был уютно-домашний человек не только под крышей собственного жилья. Придя в коллектив его кафедры литературы, я с радостью для себя поняла: в Краснодаре нет другого такого уголка нормальной человеческой жизни без карьерной конкуренции. Сплоченность не только профессиональными филологическими, но и более глубинными внутренними качествами людей положительно сказывалась во всем. Преподавание само собой перерастало в интересные просветитель-

ские акции (с осени 2003 г. в стенах университета и на выездных площадках активно действовало межфакультетское творческое объединение «Лаборатория живой речи»), в издание плановых и даже сверхплановых номеров журнала «Культурная жизнь Юга России», в многочисленные конференции и выпуск коллективных научных сборников.

Заведующий кафедрой не стремился командовать развитием научных интересов, а, сохраняя самостоятельность каждого, посильно помогал людям делать то, что они любят и что им нравится. Суть модного тогда слова интеграция Виктор Кириллович объяснял просто и ясно: интеграция – это гармония.

Несмотря на разницу научных пристрастий, я никогда не чувствовала с его стороны пренебрежения к занятиям коллег. Чумаченко был регионалист с уклоном в украинистику, меня же влекла русская классика. Как не выразить глубокую благодарность за то, с каким пониманием он вникал, подыскивал и дарил нужные книги, живо откликаясь на самую разную тематику: Пушкин, Лермонтов, Чехов, Юрий Кузнецов. В его, всегда дельной, реакции на мысли, которые я находила, к примеру, у Потебни или Веселовского, чувствовались не поверхностные познания: он говорил не с чужих слов. Виктор Кириллович читал, обдумывал множество литературно-журнального материала XIX столетия и вполне имел право быть его полномочным представителем.

Тому много примеров. Приведу только один. К юбилею Марко Вовчок ему очень хотелось сделать сборник об этой украинско-русской писательнице. Чумаченко показал несколько статей и книг из собственной библиотеки; попутно разговорам о судьбе этой женщины, сыгравшей довольно заметную роль в литературном процессе середины позапрошлого столетия, на полках нашего маленького кафедрального кабинета поселились и эти книги, и томики её собрания сочинений. Пролыстывая их, я задумалась: как можно назвать направление, в котором она дебютировала? Наверное, этнографическим реализмом – таким преемником русского сентиментализма; дальше потянулась ниточка к необходимости сравнить стихи Кольцова со стихами Тараса Шевченко. Конечно, это не была чистая украинистика, однако никто не знает заранее, какие открытия ждут тебя при погружении в россыпь богатств иного века².

Все увлеченные исследователи прошлого – отчасти аквалангисты. Берег нужен, чтобы пополнить воздушный запас, но переведя дыхание, они вновь погружаются в родную стихию, которая для сухопутных жителей – почти неведомый мир. Найденное обступает исследователя всё плотней, становится прозрачней, исчезает граница между глубинными пластами и прибрежной водой. Прошрое, с тем лучшим, что было у него, приближается, не уходит на недостижимое расстояние благодаря таким «аквалангистам».

Виктор Кириллович посвятил себя целиком задаче вернуть в научный оборот художественные тексты, дневники, архивы, редкие публикации Василя Мовы, Фёдора Щербины, Якова Кухаренко, Митрофана Дикарева, Сергея Грушевского, Олексы Кирия и многих других забытых авторов. Он жил не столько среди нас, сколько среди этих всё более и более близких ему людей. Такое свойство – способность жить жизнью других – сильнее смерти.

Ушедшим в мир иной не позвонишь. Но ограниченность современных технологий делает яснее силу культурного бытия как такового. Бытия, в котором есть даты рождения и кончины, но которое пронизано узами родства и преемственности. Виктор Кириллович Чумаченко отдал все свои силы заботе о прочности этих уз.

2

Избранные статьи, подготовленные к юбилею Марко Вовчок, были опубликованы в журнале «Наследие веков». См.: Наследие веков. 2015. № 2. С. 91–101. (Прим. ред.).